

АНАТОЛИЙ КОЛОСОВ

КРУГ СВЕТА

2026

Анатолий Колосов

Круг света

<https://litres.ru/74661287>

SelfPub; 2026

Аннотация

В далёком будущем правосудие вершат машины: приговор выносится без эмоций, а наказание — это не просто срок, а прожитая заново жизнь, в которой человек неизбежно сталкивается с последствиями своих решений. Но самое страшное начинается не в зале суда, а после: память о настоящей жизни стирается на входе и обрушивается всей тяжестью на выходе.

Через переплетённые судьбы инспектора Ирты Савела, пожарного Юрия Савельева и стажёра Аты роман показывает, как одна ошибка — молчание, подпись на бумаге, выполнение приказа — может стоять не только чужих жизней, но и собственной души. А для тех, кто управляет системой, это не просто работа: это выбор между тем, чтобы оставаться машиной, и тем, чтобы помнить, что за каждой цифрой — человек.

«Круг света» — это философская антиутопия о справедливости, вине и прощении, где наказание становится зеркалом, в котором герой наконец видит себя настоящего.

Анатолий Колосов

Круг света

«Круг света»

Глава 1. Приговор

Зал суда был огромным, белым и совершенно пустым. Ни скамей для публики, ни окон, ни флагов. Только гладкие стены, уходящие куда-то вверх, круг света на полу и в этом круге человек.

Человека звали Ирт Савел, и последние десять минут он пытался понять, куда смотреть.

Судья сидел напротив, за высокой кафедрой. Точнее, не сидел, а был ею. Здесь судей давно делали из металла. Машины не устают, не берут взятки и не жалеют. Последнее считалось главным их достоинством.

— Ирт Савел, — произнёс судья ровным голосом, в котором не было ни злости, ни сочувствия. — Суд рассмотрел материалы дела. Вы признаны виновным по всем пунктам обвинения.

Ирт открыл рот. Закрыл. Слова, которые он готовил всю ночь, куда-то исчезли.

— С учётом тяжести содеянного, — продолжал судья, — суд назначает наказание: двадцать пять лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Где-то внутри кафедры что-то тихо щёлкнуло, будто поставили печать.

— Приговор привести в исполнение немедленно.

Свет вокруг Ирты стал гуще. Сначала он подумал, что ему кажется, но круг на полу медленно поднимался, обволакивал ноги, колени, плечи. Свет был тёплым и почти приятным, и от этого становилось только страшнее.

Ирт хотел крикнуть, но получилось лишь подумать.

Как же так? Почему так много? Почему так строго? Ведь я же не...

Мысль не успела закончиться. Сознание погасло, как лампа, которую выключили из розетки на полуслове.

Круг света опустел.

Судья выждал положенные три секунды, закрыл дело и отправил его в архив, где уже хранились миллиарды таких же.

— Следующий, — сказал он.

Глава 2. Мальчик

Двенадцатого апреля 1961 года вся страна смотрела в небо.

Из каждого репродуктора, из каждого окна, из каждого магазина доносился торжественный голос Левитана: советский человек впервые полетел в космос. Люди выбегали на улицы, обнимались с незнакомцами, плакали и смеялись. Кажалось, что теперь всё будет по-другому: звёзды стали ближе, а будущее совсем рядом.

В роддоме номер четыре города Куйбышева было не до космоса.

— Тужься, милая, тужься! — басыла акушерка Зинаида Петровна, полная женщина с руками, принявшими за двадцать лет больше детей, чем жило во всём её родном селе. — Ещё чуть-чуть! Вот! Вот он!

В 11:47 по московскому времени, ровно в ту минуту, ко-

гда Гагарин пролетал где-то над Африкой, на свет появился мальчик. Три килограмма шестьсот граммов, пятьдесят два сантиметра. Он сморщился, набрал воздуха и закричал так громко и обиженно, будто хотел что-то сказать и никак не мог подобрать слова.

— Ишь, возмущается, — засмеялась Зинаида Петровна.
— Мужик! С характером!

Мать, Валентина, лежала мокрая, измученная и абсолютно счастливая. Ей положили на грудь тёплый кричащий свёрток, и она не могла отвести от него глаз.

— Как назовёте? — спросила медсестра.

Валентина посмотрела в окно, откуда доносился гул ликующей улицы.

— Юрой, — сказала она. — Конечно, Юрой.

Отец, Николай, узнал новость под окнами роддома: внутрь мужчин не пускали. Он простоял там с утра, в старой куртке, с замёрзшими ушами и авоськой апельсинов, которые раздобыл неизвестно где. Когда в окне третьего этажа появилась записка «СЫН!!! 3600!!!», он подпрыгнул, выро-

нил авоську и закричал что-то нечленораздельное. Апельсины покатались по весенней слякоти, и прохожие, решив, что он радуется Гагарину, кричали «Ура!» вместе с ним.

Вечером Николай пил с соседями за космос и за сына, и соседи говорили, что парню повезло: родиться в такой день — это судьба. Будет космонавтом, не иначе.

Никто из них не знал, насколько они правы и насколько ошибаются.

Юра рос обычным мальчиком.

Он ходил в ясли, потом в детский сад, где ел манную кашу с комками и спал днём под одинаковыми колючими одеялами. В первый класс пошёл с огромным букетом гладиолусов, который был выше его самого. Носил октябрятскую звёздочку, потом пионерский галстук. Стоял с мамой в очередях за маслом, колбасой и всем остальным, что «выбросили». Знал, что вставать надо рано, что спорить со старшими нельзя, что шаг влево и шаг вправо — это плохо, а строем и по расписанию — хорошо.

Он был послушным, тихим ребёнком. Учителя хвалили его за дисциплину.

Только иногда, по вечерам, Юра забирался на подоконник и подолгу смотрел в небо. Не на Луну и не на звёзды, а куда-то между ними, в черноту.

— Что ты там высматриваешь? — спрашивала мама.

— Не знаю, — честно отвечал Юра. — Мне кажется, я что-то забыл.

Мама смеялась, гладила его по голове и отправляла чистить зубы. Все дети что-то придумывают.

Ему было восемь лет. До конца срока оставалось семнадцать.

Глава 3. Распределение

Отдел распределения находился двумя этажами ниже зала суда и был, пожалуй, самым скучным местом во всём здании.

Здесь не было ни кафедр, ни кругов света. Только длинный зал, ряды рабочих столов и огромный голографический шар под потолком: голубой, в белых завитках облаков, медленно вращающийся вокруг своей оси. Шар был поделён на цветные участки, как лоскутное одеяло. Красные, жёлтые, зелёные, серые.

За одним из столов сидел старший распределитель Лемм и пил что-то горячее из большой кружки. Лемм работал в отделе так давно, что помнил времена, когда участков на шаре было в десять раз больше, а сами они были в десять раз мельче.

Напротив него сидела стажёрка Ата: первый день, новенькая форма, блокнот наготове.

— Ну, смотри, — сказал Лемм, кивая на поток дел, бегущий по экрану. — Суд назначает режим и срок. Наша задача — подобрать конкретный участок. Ничего сложного.

Он ткнул пальцем в первое дело.

— Вот. Мошенничество, неоднократно. Общий режим, семьдесят четыре года.

Он лениво провёл рукой, и на шаре вспыхнул большой жёлтый участок, раскинувшийся между двумя океанами.

— Общий режим. Нормальное место. Кормят хорошо, свободы много, но и спрашивают строго: работай, плати, не высовывайся. Многие там даже не догадываются, что сидят. Говорят, им там очень нравится слово «свобода».

Ата старательно записала.

— А семьдесят четыре года... Это долго?

— Это нормально. Срок — это и есть жизнь, — терпеливо объяснил Лемм. — Родился — заехал. Умер — вышел. Отсидел полностью — значит, прожил полную жизнь, составил и вернулся домой. Всё честно.

Следующее дело.

— Уклонение от налогов в особо крупных размерах. Колония-поселение, восемьдесят шесть лет.

На шаре загорелся крошечный зелёный участок среди гор.

— Колония-поселение, — сказал Лемм. — Чисто, тихо, сыр, часы, озёра. Почти курорт. Туда у нас идут по лёгким статьям. Особенно по финансовым. Сама понимаешь, ирония.

Ата не понимала, но кивнула.

— Следующий. Нанесение тяжких. Строгий режим, двадцать пять.

Лемм провёл рукой, и шар повернулся, показав огромное красное пятно, растянувшееся почти на полмира.

— О, — оживилась Ата. — А вот это я знаю. Это тот, который сегодня утром был, Савел?

— Нет, это уже другой. Савела я отправил утром, — Лемм отхлебнул из кружки. — Строгий режим. Самый большой участок, мест много. Подъём рано, очереди длинные, всё по расписанию, шаг влево, шаг вправо... Зато дисциплина. Многие выходят оттуда совсем другими людьми.

— А почему у них такие короткие сроки?

— Режим тяжёлый, — пожал плечами Лемм. — Долго там не держим. Гуманизм.

Дела шли одно за другим. Лемм раскидывал их почти не глядя. Серые участки: особый режим, там, где холодно, голодно и стреляют. Мелкие острова с пальмами: условные сроки, для тех, кто оступился впервые. Одинокая метеостанция где-то во льдах: одиночная камера, для особо неуживчивых.

— А это что? — Ата показала на маленькую точку на берегу тёплого моря, сияющую золотом.

— Это не для всех, — уклончиво сказал Лемм. — Это по благу.

К обеду Ата исписала половину блокнота и наконец решилась задать вопрос, который мучил её с самого утра.

— А они знают? Ну, там, внизу. Что сидят?

— Нет. Память стирается полностью, на входе. Иначе какое же это наказание? Сидеть и знать, что через двадцать лет выйдешь, — это любой выдержит.

— Но совсем ничего? Ни капельки?

Лемм помолчал.

— Ну... Что-то они чувствуют, конечно. Догадываются, что жизнь там какая-то не настоящая. Что после неё что-то будет. Насочиняли себе разного: суд после смерти, грехи, наказание, рай, ад. — Он хмыкнул. — Самое смешное, что после смерти они как раз и выходят. Боятся её больше всего на свете, а это просто освобождение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.